

УДК 339.9

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ МИРОВЫХ ЭНЕРГОРЫНКОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ТУРБУЛЕНТНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**О.В. Брижак, М.Д. Киреева, В.С. Сытикова**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, e-mail: OIVBrizhak@fa.ru, 251107@edu.fa.ru, 254629@edu.fa.ru

***Аннотация.** В статье исследуется политико-экономическое влияние турбулентности на Ближнем Востоке на мировую торговлю нефтью и газом. Авторы анализируют конкретные механизмы, через которые региональная нестабильность воздействует на глобальные энергетические рынки. Ключевое внимание уделяется событиям «Арабской весны», войнам в Сирии и Йемене, а также санкционному давлению на Иран. С использованием количественных и качественных методов исследования показано, что нестабильность в регионе напрямую отражается на ценовых показателях углеводородов и снижает энергетическую безопасность стран-импортёров. В работе детально рассмотрено влияние конфликтов на добычу нефти странами ОПЕК, на функционирование стратегических проливов (Ормузский, Баб-эль-Мандеб), а также на динамику инвестиций в региональную энергетическую инфраструктуру. Выявлена связь между конфликтами, санкциями и краткосрочными ценовыми шоками; оценены долгосрочные последствия для глобальной энергетики, включая диверсификацию поставщиков, развитие возобновляемой энергетики, обострение борьбы за транспортные маршруты и рост значимости кибербезопасности. Сделан вывод, что политическая нестабильность на Ближнем Востоке продолжает оказывать существенное воздействие на мировые энергетические рынки, формируя как волатильность цен, так и структурные сдвиги в системе энергоснабжения.*

***Ключевые слова:** Ближний Восток, политическая нестабильность, глобальные энергетические рынки, арабская весна, конфликт в Сирии, конфликт в Йемене, цены на нефть, цены на газ, ОПЕК, Ормузский пролив, энергетическая безопасность, санкции против Ирана*

THE NEWREALITY OF GLOBAL ENERGY MARKETS: A STUDY OF THE POLITICAL AND ECONOMICIMPACT OF TURBULENCE IN THEMIDDLEEAST**O.V. Brizhak, M.D. Kireeva, V.S. Sytikova**

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: OIVBrizhak@fa.ru, 251107@edu.fa.ru, 254629@edu.fa.ru

***Abstract.** This article examines the political and economic impact of turbulence in the Middle East on global oil and gas trade. The authors analyze the specific mechanisms through which regional instability impacts global energy markets. Key attention is given to the events of the Arab Spring, the wars in Syria and Yemen, and sanctions pressure on Iran. Using quantitative and qualitative research methods, it is shown that instability in the region directly affects hydrocarbon prices and reduces the energy security of importing countries. The paper examines in detail the impact of conflicts on OPEC oil production, the functioning of strategic straits (Hormuz, Bab el-Mandeb), and the dynamics of investment in regional energy infrastructure. The authors identify the relationship between conflicts, sanctions, and short-term price shocks; they also assess the long-term consequences for the global energy sector, including supplier diversification, the development of renewable energy, increased competition for transport routes, and the growing importance of cybersecurity. It is concluded that political instability in the Middle East continues to have a significant impact on global energy markets, causing both price volatility and structural shifts in the energy supply system.*

***Keywords:** Middle East, political instability, global energy markets, Arab Spring, conflict in Syria, conflict in Yemen, oil prices, gas prices, OPEC, Strait of Hormuz, energy security, sanctions against Iran.*

Дата поступления статьи в редакцию: 28.04.2026

Дата принятия статьи в печать: 15.06.2026

Введение

Ближний Восток играет определяющую роль в формировании глобальной модели энергопотребления. Будучи одним из наиболее значимых регионов для мировой энергетики, он на

протяжении десятилетий задаёт динамику развития энергетических рынков и способствует экономической стабильности многих стран. В регионе сосредоточены крупнейшие месторождения углеводородов, а ключевая роль в мировых поставках нефти и газа принадлежит шести государствам: Саудовской Аравии, Ирану, ОАЭ, Ираку, Кувейту и Катару. Именно эти страны определяют направления и объёмы экспорта энергоресурсов. Их совокупный потенциал оказывает существенное воздействие на глобальный энергетический рынок, а участие в рамках ОПЕК+ предоставляет им возможность влиять на ценовую конъюнктуру и параметры поставок.

Значимость региона подчёркивается также стратегической ролью транспортных артерий. Через Ормузский пролив транспортируется почти 20% мировой нефти, а Суэцкий канал и Баб-эль-Мандебский пролив являются ключевыми маршрутами для танкерного флота. Вследствие этого политические кризисы, локальные войны или санкционные ограничения в данной части мира способны вызывать масштабные и зачастую непредсказуемые последствия для глобального энергорынка. Эскалация конфронтации в регионе ведёт к нарушению функционирования транспортных путей, резким ценовым колебаниям на энергоресурсы и росту нестабильности в мировом масштабе.

Влияние ситуации на Ближнем Востоке на мировую энергетику отличается сложностью и неоднозначностью. Причинно-следственные связи здесь не всегда линейны и любое обострение в зоне Персидского залива или Красного моря, как правило, приводит к серьёзным сбоям - нарушению судоходства и резкому повышению цен на нефть. Регион продолжает оставаться главным поставщиком энергоресурсов, однако его стратегическая роль постепенно трансформируется. По мере того, как устройство мировой энергетики претерпевает изменения, к прежним правилам и механизмам добавляются новые факторы и тренды [1, 2].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что события на Ближнем Востоке напрямую влияют на цены нефти и газа. Без комплексного понимания этих процессов качественное прогнозирование развития энергетических рынков становится невозможным.

Цель исследования

Цель статьи - провести анализ воздействия ближневосточных событий на современные мировые энергетические рынки, а также предложить способы повышения устойчивости последних и снижения их чувствительности к региональной нестабильности.

Материал и методы исследования

Для достижения цели статьи и решения поставленных задач авторами применена комплексная методология, основанная на сочетании качественных и количественных подходов. Такая комбинация позволила не только выявить содержательные характеристики влияния ближневосточной турбулентности на мировые энергетические рынки, но и количественно оценить степень этого воздействия. Авторами использованы: отчеты международных организаций (МЭА, ОПЕК), аналитические статьи и официальные заявления правительств стран Ближнего Востока за период с 2010 по 2025 годы. Применен контент-анализ публикаций Международного энергетического агентства (МЭА) и научных статей для выявления ключевых тенденций.

В статье использованы результаты теоретических и эмпирических исследований указанных тенденций, которые нашли отражение в работах Брижак О.В., Барановская Н.С. [2], Раздорский Ф.А, Брижак О.В, [3], Долгов Б.В [4], Сапронова М.А [5], Магомедов А.К [6], Коробкина И.А, Бабенко В.Д [13], Иванов А.С, Матвеев И.Е [14], Глазьев [19] и других.

Количественные данные обработаны статистическими методами: индексы геополитического риска использованы для оценки влияния нестабильности на энергетические рынки. Для визуализации результатов использованы таблицы, показывающие динамику цен и корреляцию с ключевыми событиями. Сравнительный анализ проведен для оценки влияния различных геополитических событий (конфликты, санкции) на энергетические рынки. Выбранная методология обеспечивает объективность и воспроизводимость результатов, все использованные источники являются общедоступными (отчёты международных организаций, официальные заявления, статистические базы), а количественные методы предполагают стандартную процедуру проверки гипотез. Сочетание качественного и количественного анализа позволяет не только зафиксировать наличие влияния, но и раскрыть его механизмы, что соответствует современным стандартам междисциплинарных исследований в области политической экономики энергетики.

Результаты исследования

В настоящее время основным фактором, определяющим конъюнктуру мирового энергетического рынка, выступает ситуация на Ближнем Востоке, тогда как все прочие влияния отходят на второй план. Любые политические или военные осложнения в данном регионе незамедлительно провоцируют резкие ценовые колебания. Международные организации (в частности, ОПЕК, МЭА и ЕИА) способствуют смягчению последствий перебоев в поставках энергии и совершенствованию структуры глобального спроса и предложения. Масштаб текущих вызовов превосходит нефтяные кризисы 1970-х годов и газовый кризис 2022 года [7]. Если ранее основная проблема заключалась в прекращении самих поставок нефти, то в современных условиях ключевым осложняющим фактором становится положение дел с транспортировкой. Маршруты доставки сжиженного природного газа подвергаются многократным изменениям. В сложившихся условиях ОПЕК+ и ведущие нефтяные компании вынуждены действовать по-новому. В новейший период мировой энергетический рынок демонстрирует крайне высокую чувствительность к любым дестабилизирующим факторам на Ближнем Востоке, даже локальный конфликт вызывает ценовые скачки. Привычная логика управления рынками оказалась нарушена - ОПЕК+ и крупнейшие нефтяные корпорации более не могут полагаться на прежние методы регулирования. Перекрытие Ормузского пролива, ограничение судоходства и фактическая дезорганизация цепочек поставок требуют пересмотра каждого управленческого решения и мгновенной реакции на военные угрозы.

Ведущие энергетические агентства - МЭА, ОПЕК, ЕИА, а также аналитические платформы Vortexa и Kpler – занимаются исследованием энергетического рынка на период 2024–2026 гг. Полученные данные свидетельствуют о кардинальной трансформации рынка, потому что изменились схемы закупок, трансформировалась логистика. Одни страны наращивают добычу, другие ее сокращают. Кроме того, аналитика позволяет выявить более фундаментальные сдвиги, в частности переход к новым энергоносителям и изменение торговых маршрутов. Указанные процессы оказывают непосредственное влияние на цены и общую конъюнктуру рынка в ближайшие несколько лет.

Ключевые события и их роль в волатильности

Последние два года мировой энергетический рынок характеризуется глубокой турбулентностью, первопричиной которой выступают военно-политические конфликты. 28 февраля 2026 года ситуация перешла в новую фазу в связи с началом совместной военной операции США и Израиля под кодовым названием «Epic Fury». В ходе операции были нанесены массированные авиаудары по ключевым объектам Ирана, включая элементы ядерной программы, военно-морской флот и энергетическую инфраструктуру. Масштаб атак свидетельствовал о серьёзности сложившегося положения [9].

В ответ на указанные действия Иран предпринял блокировку Ормузского пролива. Стратегическое значение данного пролива определяется тем, что через него транспортируется пятая часть мировой нефти и четверть мирового газа. Таким образом, под блокировку попала значительная доля глобальных поставок энергоносителей. По данным компании Kpler, в первые дни конфликта через пролив прошли лишь несколько судов. Около 40 крупнотоннажных танкеров, перевозивших приблизительно 2 млн баррелей нефти, оказались заблокированы в Персидском заливе в ожидании прояснения ситуации с безопасностью [8]. В итоге движение судов практически полностью остановилось. Анализ данных платформы Vortexa показывает резкое сокращение числа супертанкеров, прошедших через пролив, 28 февраля их насчитывалось 22, а уже 1 марта - только четыре.

В отличие от типичных нефтяных шоков, данный фактор привёл не только к снижению объёмов добычи, но и к фундаментальной перестройке всей логистической системы. До начала конфликта через Ормузский пролив ежедневно транспортировалось 20 млн баррелей нефти и нефтепродуктов. В марте 2026 года, по данным Международного энергетического агентства (МЭА), объёмы перевозок сократились практически до нуля. Нефтехранилища Персидского залива оказались переполнены, возможности для вывоза продукции отсутствовали. Страны-производители были вынуждены экстренно сократить добычу на 10 млн баррелей в сутки [10].

Обстановка в Красном море также остаётся напряжённой. Обход мыса Доброй Надежды добавил танкерам с нефтью и сжиженным природным газом (СПГ) от 10 до 15 дней пути. В

результате возросли фрахтовые ставки и возник дисбаланс, Европа, лишившаяся быстрых поставок из Катара и ОАЭ, вынуждена закупать более дорогой американский газ.

Значительные изменения претерпело и морское страхование. Военные риски в Персидском заливе более не страхуются, более 50% крупнейших морских страховщиков отказались покрывать суда, заходящие в данный регион. В условиях военного времени страховые взносы выросли в 6–8 раз по сравнению с довоенным уровнем, а по отдельным оценкам – более чем на 1000%. Крупнейшие в мире судоходные реестры Либерии и Маршалловых Островов обязали суда соблюдать самые строгие стандарты безопасности, что фактически привело к остановке грузовых перевозок [3, 4].

Дополнительные сложности создаёт геополитическая фрагментация внутри ОПЕК+. Ключевым партнёром стран Персидского залива по соглашению является Россия, которая находится под санкционным давлением Запада, что осложняет согласование квот на добычу. По данным начала 2026 года, Россия в декабре сократила добычу на 73 тыс. баррелей в сутки – до 9,304 млн баррелей. Отставание от целевого уровня ОПЕК+ достигло 270 тыс. баррелей. Если ранее ОПЕК+ ориентировался преимущественно на рыночные факторы спроса и предложения, то теперь к ним добавилась политическая составляющая. Под воздействием санкций альянс вынужден сместить приоритеты с балансировки цен на удержание союзников.

Трансформация нефтяного рынка

События на Ближнем Востоке вызвали значительную турбулентность на мировом нефтяном рынке, характеризовавшуюся резкими ценовыми колебаниями и деформацией сложившейся рыночной структуры. В первые дни военного конфликта цена нефти марки Brent превысила отметку 120 долларов за баррель. Пиковое значение было зафиксировано 9 марта на уровне 113 долларов, после чего последовало резкое снижение, с отметки 94,4 доллара цена потеряла за день 4,5%, а майские фьючерсы сократились до 100,9 доллара. Данная волатильность отражает глубокое противоречие между краткосрочными геополитическими рисками и долгосрочными ожиданиями избытка структурных поставок [11, 12].

На текущем этапе рынок чётко разделился на два сегмента. С одной стороны, восточный сегмент, в рамках которого российские сорта и иранская нефть реализуются со значительными дисконтами. С другой стороны, западный сегмент, где цены на Brent и WTI по-прежнему определяются ситуацией в Персидском заливе. Блокада Ормузского пролива и конфликт в Красном море лишь усилили данный раскол, поскольку фрахт танкеров и стоимость страховки при прохождении через «горячие точки» возросли многократно [5]. Одновременно с этим нефтеперерабатывающая отрасль функционирует на пределе мощностей. Согласно данным Международного энергетического агентства (МЭА), сложилась критическая ситуация, так как резервные мощности ОПЕК+ стремительно сокращаются. Саудовская Аравия и ОАЭ сталкиваются с физическими ограничениями в возможности быстрого наращивания добычи в случае дополнительного роста мирового спроса. Вследствие этого любая информация об ударе по иранской инфраструктуре или о событиях в Ормузском проливе становится триггером для спекулятивного ценового скачка.

В сложившихся условиях классический механизм ОПЕК+ перестаёт выполнять функцию ценового якоря и начинает зависеть не столько от баланса спроса и предложения, сколько от логистических и страховых рисков. Форвардная кривая нефтяных фьючерсов наглядно отражает данную волатильность. К середине марта 2026 года краткосрочные и долгосрочные ожидания разошлись как никогда резко. Ближайшие фьючерсы WTI (апрель–май) достигали 94 долларов за баррель под влиянием ближневосточного кризиса. Анализ отдалённых контрактов показывает постепенное удешевление нефти, так, на декабрь 2026 года баррель оценивался примерно в 75 долларов. Согласно прогнозам, контракты на 2036–2037 годы могут составить 57–58 долларов за баррель. Иными словами, чем дальше временной горизонт от текущего момента, тем ниже цена, что отражает ожидания рынка по возвращению к диапазону 60–70 долларов по мере затухания геополитических рисков. Управление энергетической информацией (EIA) прогнозирует на 2026 год среднегодовую цену около 56 долларов, что на 19% ниже уровня 2025 года.

Газовый рынок: битва за СПГ

Для рынка природного газа Ближний Восток превратился в ключевого арбитра европейской энергетической безопасности. Катар, второй в мире экспортёр сжиженного природного газа (СПГ), обеспечивающий около 20% мировых поставок, оказался в центре кризиса. В начале

марта 2026 года был поврежден главный газовый завод Катара - «Рас-Лаффан», являющийся крупнейшим в мире предприятием по производству СПГ. Власти Катара заявили о длительной остановке производства, подчеркнув, что даже после прекращения боевых действий возобновление работы завода потребует не менее недели. Оборудование отличается высокой чувствительностью и резкий нагрев может привести к его повреждению вследствие тепловых ударов [4, 6]. Последствия данной атаки оказались катастрофическими для мирового рынка газа, европейские цены на газ выросли на 45% за один день. Кризис также оказал существенное влияние на смежные отрасли. Более 35% мирового объёма гелия производится в Катаре, тогда как гелий является критически важным ресурсом для квантовых компьютеров, МРТ-аппаратов и производства микросхем. Без него функционирование перечисленных отраслей становится невозможным. Закрытие мощностей Катара привело к глобальному дефициту гелия, создающему угрозу для высокотехнологичной промышленности.

Структурные изменения на рынке газа усугубляются реформированием логистических цепей. Любое ухудшение ситуации в Красном море или угроза закрытия Ормузского пролива незамедлительно переводят спотовые цены на азиатском хабе JKM и европейском TTF в режим аукционного ценообразования, в результате чего поставки направляются в регион, готовый уплатить наибольшую премию. Данные аналитических центров (например, Оксфордского университета) свидетельствуют о существенной трансформации, рынок переходит от торговли по принципу «здесь и сейчас» к долгосрочным контрактам. Цены в таких контрактах привязываются либо к нефтяным котировкам, либо к индексам европейских и азиатских газовых площадок [11]. Обратной стороной ситуации стало то, что события на Ближнем Востоке стимулировали Европу к активным действиям. Германия, Нидерланды и Италия в ускоренном темпе строят терминалы для приёма сжиженного природного газа, что позволило диверсифицировать риски и расщелочить каналы поставок. Однако полной защиты от иранского влияния это не обеспечивает. Европейские страны наращивают закупки американского сланцевого газа, транспортируемого по предсказуемым маршрутам с меньшими проливными рисками, однако его стоимость выше, чем у ближневосточного газа.

Удар по нефтепереработке и вторичный шок

Кризис оказал воздействие как на процессы добычи нефти, так и на мощности по её переработке, что породило эффект «вторичного шока», негативные последствия распространились на рынок готовых нефтепродуктов - автомобильного бензина, дизельного топлива, авиационного керосина и мазута. Иными словами, под удар попали конечные энергоносители, обеспечивающие работу транспорта. В случае нарушения добычи нефти ситуация может быть временно стабилизирована за счёт задействования стратегических резервов. Однако остановка нефтеперерабатывающего завода влечёт за собой качественно иные последствия - возникает дефицит перерабатывающих мощностей, который невозможно компенсировать в короткие сроки (в частности, в течение нескольких месяцев).

В результате конфликта Национальная нефтяная компания Абу-Даби (ADNOC) была вынуждена провести полную остановку одного из своих крупнейших предприятий в целях предотвращения разрушений и обеспечения безопасности персонала. Ранее, в начале марта, пострадал саудовский комплекс Рас-Таннур (Ras Tanura) мощностью 550 тыс. баррелей в сутки — крупнейший в Саудовской Аравии и один из старейших в мире, включающий крупнейший терминал по экспорту сырой нефти. Как отмечают аналитики, восстановление работы таких сложных предприятий потребует недель или месяцев вследствие необходимости доставки специального оборудования и тщательной проверки систем.

Повреждены кувейтские НПЗ Мина Аль-Ахмади и Мина Абдулла, а также иранские мощности в Абадане и Бендер-Аббасе. Атаки на НПЗ наносят ущерб не рынку сырой нефти, а рынку готового топлива - бензина, дизеля, авиакеросина. Даже при наличии сырья или стратегических запасов дефицит перерабатывающих мощностей делает невозможным производство необходимых нефтепродуктов. Разные типы НПЗ специализируются на различных продуктах, и выведение из строя конкретного завода создаёт точечный дефицит, трудно компенсируемый другими предприятиями [7]. Рувейс, являвшийся ключевым поставщиком дизельного топлива для Европы и крупным производителем авиакеросина, оказался выведен из строя. Остановка Рас-Таннура усугубила дефицит бензина и мазута на азиатских рынках.

В середине марта 2026 года аналитики платформ Kpler и Vortexa зафиксировали беспрецедентное явление - несколько танкеров с дизельным топливом (Aliai, Minerva Vaso, Grand Ace 6, Elka Delphi), следовавших из США в Европу и перевозивших в совокупности около 1,2 млн баррелей, изменили курс в открытом океане и направились в Азию, где цена на дизель выросла на 15–20 долларов за баррель из-за остановки ближневосточных заводов [8, 9]. Для Европы, уже утратившей российские поставки и столкнувшейся со снижением собственной переработки, потеря 1,2 млн баррелей (примерно 10% недельного импорта) обернулась острым дефицитом в весенний посевной сезон. Как отметил аналитик Kpler Джордж Шоу, «переключение курса в открытом океане - явление почти неслыханное, свидетельствующее о глубокой деформации рынка дизеля. Европа готовится к резкому падению импорта в апреле, и восполнить эти объёмы будет нечем».

Уязвимость Великобритании: топливный кризис на пороге

Возвращение к атомной энергетике Европы имеет обратную сторону, так как отказ от ближневосточного газа не обеспечивает полной энергетической независимости, поскольку на смену одной зависимости приходит другая - от импортного урана. В Европе практически отсутствует собственная добыча урана в значительных объёмах. По статистике, около 43% мирового урана добывается в Казахстане, далее следуют Намибия, Австралия и Канада. Однако цепочки поставок из Казахстана и Намибии часто проходят через Россию, которая владеет ключевыми мощностями по обогащению урана. Кроме того, транспортные маршруты включают уязвимые порты, что создаёт дополнительные геополитические риски. В ответ страны-потребители создают стратегические запасы урана, диверсифицируют поставщиков (включая освоение месторождений в Австралии и Канаде) и развивают собственные технологии обогащения для разрыва «урановой связки» с Россией [16, 17].

Остановка или повреждение НПЗ вызывает не только краткосрочные ценовые скачки, но и вторичные потрясения, отражающиеся на макроэкономических показателях стран-импортёров. Рост стоимости дизельного топлива, активно используемого в грузовом транспорте, ускоряет потребительскую инфляцию. По расчётам Европейского центрального банка (ЕЦБ), удорожание дизеля на 10% через два-три месяца добавляет инфляции в еврозоне 0,3–0,4 процентных пункта. Для Великобритании последствия ещё серьёзнее в силу островного положения и ключевой роли авиационного топлива для внешней торговли и туризма [13]. Согласно интервью представителя ADNOC агентству Reuters (12 марта 2026 года), минимальный срок запуска НПЗ «Рувейс» составляет шесть недель, а выход на полную мощность займёт около трёх месяцев. Сохраняющаяся военная неопределённость может увеличить эти сроки. Следовательно, мировые рынки нефтепродуктов столкнутся с продолжительным дефицитом предложения, а высокие цены сохранятся на протяжении весны и лета 2026 года.

Пересмотр роли атомной энергетики в условиях ближневосточного кризиса

Мировой энергетический ландшафт демонстрирует новый тренд. Страны, ранее планировавшие отказ от атомной энергии, пересматривают свои решения, стремясь снизить зависимость от ближневосточного СПГ. События марта 2026 года показали, что даже ведущие экспортёры (Катар, ОАЭ) могут в течение нескольких часов прекратить поставки газа вследствие военных кризисов или политического давления. Атомная генерация, не требующая постоянного импорта топлива и обеспечивающая стабильную мощность вне зависимости от внешних факторов, вновь привлекает внимание. Показательна ситуация в Германии, завершившей в 2023 году поэтапный отказ от атомной энергии (Atomausstieg). Однако 18 марта 2026 года крупнейшие промышленные ассоциации, включая BDI, обратились к канцлеру с требованием экстренно пересмотреть энергетическую стратегию, аргументируя это утратой конкурентоспособности немецкой экономики в условиях резкого удорожания газа. Специалисты Института Фраунгофера подтверждают техническую возможность повторного запуска трёх реакторов («Isar 2», «Emsland», «Neckarwestheim 2») в срок от полугода до года, однако препятствиями служат необходимость получения новых лицензий и замещение топливных сборок, ранее поставлявшихся из России.

Франция, напротив, никогда не отказывалась от атомной энергетике. Руководство страны подтвердило ускорение планов по строительству шести энергоблоков поколения EPR2 с вводом первого к 2035 году и продлением срока службы действующих реакторов с 40 до 60 лет. АЭС обеспечивают 70% электроэнергии страны, и эта доля будет сохранена. Франция предлагает

Италии, Польше и другим европейским странам покупку атомного мегаватта как более надёжную альтернативу взрывному ближневосточному газу.

США превратились в глобального «дежурного поставщика» для стран, оставшихся без энергии с Ближнего Востока. Американский СПГ, идущий через Атлантику в обход горячих точек (Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы), стал логистически надёжнее ближневосточного. Вашингтон предложил Европе долгосрочные контракты на 10–15 лет с привязкой цены к внутреннему индексу Henry Hub, что делает американский газ постоянным партнёром. Однако аналитики отмечают и новые уязвимости, цена Henry Hub непредсказуема (зависит от погоды в Техасе, затрат на бурение, загрузки терминалов); сланцевая промышленность требует огромных инвестиций и подвержена экологическим ограничениям и политическим изменениям в США. Более того, концентрация мировых поставок СПГ в руках одной страны порождает рыночную власть, американские производители могут диктовать цены и условия. Как предупреждает доклад Goldman Sachs от 18 марта 2026 года, Европа рискует попасть в зависимость, аналогичную той, что существовала от СССР (а затем России) с трубопроводным газом [18].

Таким образом, нынешний кризис вызвал радикальный пересмотр приоритетов капиталовложений. Инвестиции смещаются в три ключевых направления [18].

Первое, создание и расширение стратегических запасов сырья и нефтепродуктов. Япония наращивает нефтяные запасы с 500 до 600 млн баррелей и создаёт подземные хранилища для СПГ. Германия в марте 2026 года отказалась от принципа «точно в срок» и сформировала газовый резерв на 5 млрд кубометров. Южная Корея анонсировала увеличение мощностей по хранению нефтепродуктов на 30%.

Второе, форсированное строительство плавучих терминалов регазификации (FSRU) и расширение портовой инфраструктуры. Германия, не имевшая до 2022 года ни одного СПГ-терминала, уже ввела четыре FSRU (Вильгельмсхафен, Брунсбюттель, Любмин) и ускорила строительство ещё трёх, что к концу года почти вдвое увеличит мощность регазификации. Нидерланды расширяют роттердамский терминал. Польша, Греция, Италия, Хорватия также реализуют новые проекты.

Третье, ускоренный переход на возобновляемую энергетику, движимый не столько экологией, сколько геополитикой. «Зеленая» энергия не требует импорта топлива и не может быть заблокирована в проливах. Китай, наиболее уязвимый перед блокировкой Ормузского пролива, 22 марта 2026 года объявил о программе инвестиций \$550 млрд в сети и накопители энергии на 2026–2030 гг. (на 40% больше, чем за предыдущие пять лет). К 2030 году Китай намерен довести долю неископаемых источников до 25%, а мощность ВИЭ - до 2400 ГВт (в 2025 году - около 1400 ГВт), с упором на системы накопления. Члены АСЕАН на экстренном саммите в Джакарте (15 марта 2026 года) приняли решение ускорить переход на возобновляемые источники энергии по экономическим, а не климатическим причинам. Приведённая стоимость электроэнергии (LCOE) для солнечных панелей с накопителями составляет около 40 долларов за МВт·ч, тогда как уголь - 76, газ - 104 доллара. Миллиарды долларов, ранее уходившие на импорт топлива, могут остаться в регионе и быть направлены на развитие инфраструктуры. Вьетнам, Таиланд, Индонезия пересматривают энергопланы в сторону увеличения доли ВИЭ к 2030 году; Филиппины (импортирующие более 90% топлива) намерены достичь 50% генерации из возобновляемых источников. Даже нефтяной Бруней объявил о диверсификации и развитии солнечной энергетики [17, 19].

Эмпирические данные и количественные оценки

Количественные исследования, проведенные международными энергетическими агентствами и логистическими платформами, позволяют оценить масштаб влияния ближневосточных событий. В таблице ниже приведены обобщенные данные за 2023–2026 гг., отражающие изменение ключевых параметров под воздействием описанных факторов.

Приведённые в таблице данные фиксируют принципиальное расхождение оценок ведущих аналитических структур. Если ОПЕК прогнозирует прирост мирового спроса на нефть в 2026 году на уровне 1,38 млн баррелей в сутки, то Международное энергетическое агентство (МЭА) пересмотрело собственный прогноз в сторону понижения - до 0,64 млн баррелей в сутки, мотивируя это сокращением объёмов авиаперевозок в ближневосточном регионе и сбоями в поставках сжиженного нефтяного газа. Величина расхождения между двумя прогнозами достигла 0,8 млн баррелей в сутки, что свидетельствует о глубокой неопределённости относительно траектории дальнейшего развития энергетических рынков.

Таблица 1

Влияние ближневосточных событий на ключевые параметры энергетических рынков (2023-2026)

Параметр	2023 г. (до эскалации)	2026 г. (текущие данные)	Изменение	Источник
Проход супертанкеров через Ормузский пролив (в сутки)	20-25	4-5 (в отдельные дни)	-80%	Vortexa, Kpler
Страховые премии для судов в зоне конфликта	Базовый уровень	Рост в 6-8 раз (до 1000% по отдельным маршрутам)	+600-1000%	Lloyd's Market Association
Сокращение добычи странами Персидского залива	0	Не менее 10 млн. барр./сутки	-	МЭА, JPMorgan
Цена Brent (майский фьючерс)	75–85 \$/барр.	100,9 \$/барр. (16.03.2026)	+20-35%	NYMEX, ICE
Форвардная цена WTI (декабрь 2026)	70–75 \$/барр.	75,1 \$/барр.	незначительное изменение	NYMEX
Форвардная цена WTI (2036-2037)	60–65 \$/барр.	56,6 – 57,0 \$/барр.	-5-10%	NYMEX
Импорт дизельного топлива в Европу из США	стабильный	потеря 1,2 млн. барр. из-за перенаправления	-	Vortexa, Bloomberg
Прогноз роста спроса на нефть (2026) - ОПЕК	-	1,38 млн барр./сутки	-	ОПЕК
Прогноз роста спроса на нефть (2026) - МЭА	-	0,64 млн барр./сутки	пересмотр вниз на 0,2 млн	МЭА
Прогноз роста добычи вне ОПЕК+ (2026)	-	0,63 млн барр./сутки (ОПЕК) / 1,1 млн барр./сутки (МЭА)	-	ОПЕК, МЭА
Стратегические резервы, выделенные МЭА	-	426 млн барр. (в марте 2026)	-	МЭА

Составлено авторами по [11-13,15]

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что события в ближневосточном регионе оказывают прямое воздействие на глобальную ценовую конъюнктуру нефти и газа. Это создаёт зону уязвимости для стран-импортёров, вынужденных учитывать указанные риски в целях оперативного реагирования на ценовые шоки и структурные сбои. Вооружённые конфликты, политическая нестабильность и геополитические сдвиги в регионе формируют сложное, многофакторное влияние как на предложение, так и на спрос энергоресурсов, порождая значительные колебания цен и кардинальную перестройку инвестиционных потоков. Указанная связь особенно наглядна в периоды эскалации, сопровождающиеся резким удорожанием нефти. В свою очередь, страны-экспортёры пересматривают собственные стратегии поведения на рынке, стремясь не только сохранить, но и по возможности упрочить свои позиции в условиях глобальной турбулентности. Несмотря на высокую волатильность текущей конъюнктуры, долгосрочную перспективу всё более определяет постепенный переход к возобновляемым источникам энергии, наращивание мощности альтернативной генерации энергии. Данный тренд ставит перед странами-импортёрами объективную задачу комплексной адаптации национальных энергетических стратегий, нацеленной на минимизацию рисков и эффективное использование существующих возможностей.

В целях повышения устойчивости глобальных энергетических рынков и снижения их чувствительности к ближневосточным событиям предлагаются следующие меры:

- импортирующим энергоресурсы странам целесообразно расширять круг контрагентов и маршрутов поставок, поскольку высокая степень концентрации на одном источнике сопряжена с неприемлемым уровнем риска;
- укрепление механизмов межгосударственного диалога и координации между продавцами и покупателями энергоресурсов, что позволит повысить скорость и адекватность реагирования на кризисные явления;
- стимулирование капиталовложений в инновационные системы накопления энергии и меры по повышению энергоэффективности способно нивелировать последствия ценовых колебаний и укрепить национальную энергетическую безопасность;
- разработка систематических процедур наблюдения за геополитическими угрозами и их трансмиссионными механизмами в динамику энергетических рынков создаст основу для прогнозирования изменений и оперативного принятия ответных мер.

Реализация перечисленных направлений требует комплексного подхода. Только системное решение всех указанных задач способно обеспечить снижение зависимости мировых энергетических рынков от событий в ближневосточном регионе и придать энергоснабжению необходимую стабильность на современном этапе.

Литература

1. Бывшева Н., Пьянов П. Роль Ближнего Востока в энергетической безопасности ЕС // Российский совет по международным делам. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/> (дата обращения: 30.03.2026).
2. Брижак О.В., Барановская Н.С. Феномен системных шоков и их влияние на развитие предприятий // Экономика и предпринимательство. 2024. № 10(171). С. 339-344. DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.062 EDN: QASMPM.
3. Курбанова Н. Фронт баррелей: как ближневосточный кризис ударил по энергетике // Известия. 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/2051192/naina-kurbanova/front-barrelei-kak-blizhnevostochnyi-krizis-udaryl-po-energetike> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Раздорский Ф. А., Брижак О. В., Журавлева О. В. Влияние событий на территории Сирийской Арабской Республики на мировой энергетический рынок // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). С. 179-187. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-179-187 EDN: DGLTRL.
5. Долгов Б.В. Сирийский конфликт на новом этапе: международное измерение // Современная международная политика. 2018. № 3. С. 86-99. DOI: 10.32726/2411-3417-2018-3-86-99 EDN: YNMXSX.
6. Сапронова М.А. Российско-сирийское постконфликтное сотрудничество в контексте региональной многовекторности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 3. С. 59-75. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-3-59-75 EDN: WMKEUN.
7. Магомедов А.К. Энергетический аспект современной российской внешней политики на Ближнем Востоке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 75-79. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79 EDN: FHVFZK.
8. Легенды Таити: устное наследие народа / сост. Х. Манауи. Папеэте, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.barchart.com/story/news/1003844/cl-futures-navigating-the-storm-key-levels-to-watch-as-oil-markets-digest-war-reserves-and-ceasefire-hopes> (дата обращения: 30.03.2026).
9. Страхование в Полинезии: международные тенденции // Insurance Journal. 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insurancejournal.com/news/international/2026/03/02/860030> (дата обращения: 30.03.2026).
10. Операция США против Ирана получила название «Эпическая ярость» // Новости НТВ. 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2969223/> (дата обращения: 04.04.2026).
11. МЭА: нефтяной рынок переживает крупнейший кризис // Вестник Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/mea-neftanoj-gynok-perezivaet-krupneysij-krizis.html> (дата обращения: 04.04.2026).
12. РБК: Бизнес. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/03/03/2026/69a61f239a7947e1be88fd37> (дата обращения: 04.04.2026).
13. Военные скачки // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2026/03/09/voennye-skachki.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 03.04.2026).

14. Коробкина И.А., Бабенко В.Д. Страны Ближнего Востока и Магриба в контексте энергетической политики Европейского Союза // Вестник института Дружбы народов Кавказа. 2017. № 1 (41). ISSN: 2071-3819. EDN: YNZWWN.

15. Иванов А.С., Матвеев И.Е. Современное состояние мировой энергетики: аритмия производства базовых энергоносителей и смещение их товаропотоков // Мировое и национальное хозяйство. 2012. № 4 (23). EDN: TMNVLX.

16. Брижак О.В., Манахова И.В., Новиков В.С. и др. Современные экономические системы: трансформационные шоки и финансовые штормы. М.: Издательство «Перо», 2023. 212 с. ISBN: 978-5-00218-406-4 EDN: PYEYTR.

17. Чиканова Е.С., Брижак О.В. «Новая экономическая реальность» как промежуточная фаза развития между капиталистическим и ассоциированным способами производства // Экономическая наука современной России. 2023. № 3(102). С. 66-76. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-3(102)-66-76 EDN: UYGZOK.

18. Альпидовская М.Л., Аракелян С.М., Брижак О.В. и др. Цифровой постимпериализм: время определяемого будущего. М.: Издательство «Прометей», 2022. 408 с. ISBN: 978-5-00172-351-6 EDN: PZFJZX.

19. Глазьев С.Ю. Стратегические ответы России на вызовы нового мирового порядка // Экономические особенности становления нового мирового порядка: вызовы для России. СПб.: Алетейя, 2024. С. 323-342. EDN: QNNEYQ.